

Предисловие «Полки»

Полухудожественные, полурепортажные очерки из горячей точки 1855 года. Толстой показывает войну как никто до него и вырывается в первые ряды русской литературы.

Вячеслав Курицын

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

О кульминационном эпизоде Крымской войны — блокаде Севастополя превосходящими силами англо-франко-турецкой коалиции, которая продолжалась с осени 1854-го по август 1855-го. В книге отражены ситуация в городе, конкретные военные операции и переживания их участников. Три рассказа цикла — «Севастополь в декабре месяце», «Севастополь в мае», «Севастополь в августе 1855 года» — охватывают весь период осады.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

В 1855 году, синхронно с описываемыми событиями, большей частью на месте действия, в армейском лагере. Сначала был замысел рассказа «Севастополь днем и ночью», разбившийся на две части: «дневной» «Севастополь в декабре месяце» сочинялся с 27 марта по 25 апреля, «ночной» «Севастополь в мае» был создан примерно за неделю в двадцатых числах июня. Работа над «Севастополем в августе» началась в середине сентября, а завершилась уже после того, как автор покинул фронт, в конце года в Петербурге.

КАК ОНА НАПИСАНА?

По-разному. Первый текст более других похож на очерк. Невидимый собеседник водит читателя по городу: вот бульвар

с музыкой, вот госпиталь с героями, а вот здесь воюют, убивают и умирают; Борис Эйхенбаум даже назвал первый рассказ «путеводителем по Севастополю». Второй текст — психологический этюд в форме рассказа. Толстой с пугающей осведомленностью описывает мысли и чувства довольно многочисленных военных персонажей. Завершается рассказ эффектной аллегорией: воин, уверенный, что погибнет, остается жить, а воин, думающий, что спасся, умирает.

Третий текст, по наблюдению того же Эйхенбаума, это «этиюд большой формы». История двух братьев, которые, встретившись в начале рассказа, гибнут в его конце, так больше и не увидев друг друга; автор словно приходит к выводу, что реальность не может быть постигнута с помощью очерка или рассуждения, а требует выражения через сложный (в идеале семейный) сюжет. Всеми этими разными способами письма Толстой решал одну задачу: передать реальность «какова она есть на самом деле». «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда» — последние фразы второго рассказа.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Толстой, несмотря на подчас весьма строгую интонацию в оценке классиков и современников, был очень

восприимчивым автором. Исследователи находят в «Севастопольских рассказах» влияние Теккерея, которого Лев Николаевич как раз в это время читал по-английски («объективность»), нравоучительной традиции от Руссо до Карамзина, Гомера (откровенность в изображении батальных подробностей), Стендаля (тема денег на войне; этого автора Толстой и сам впрямую объявлял своим предшественником в описании войны), Стерна с его дискурсивными экспериментами (Стерна Толстой переводил на русский язык) и даже Гарриет Бичер-Стоу*¹ (из ее рассказа «Дядя Тим», опубликованного в «Современнике» в сентябре 1853-го, Толстой позаимствовал тон разговора с читателем: «Видите ли вы там, вдали, домик, окрашенный темною краской?»).

Кроме того, Толстой (как минимум в первом тексте цикла) ориентировался на текущую журнальную и газетную публицистику. Жанр «письма с места событий», известный еще со времен «Писем русского путешественника», прекрасно дожил до середины пятидесятых. «Письмо из Севастополя. Севастополь, 21 декабря 1854 года» (Г. Славони), «Из Симферополя, 25 января 1855 года» (Н. Михно) — названия

типичные. А очерк А. Комарницкого «Севастополь в начале 1855 года» («Одесский вестник», 2 и 5 апреля) не только напоминает текст Толстого названием, но и использует прием обращения к читателю («Знаете ли вы севастопольских моряков? Если скажете, что знаете, я спрошу вас: были ли вы, хоть один раз, в Севастополе, со дня его осады? Не были? — значит, вы не знаете его защитников»).

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Все три рассказа сначала напечатаны в журнале «Современник»: дважды под разными подписями, а один раз вовсе без указания автора.

Первый появился в шестом номере за 1855 год с подписью «Л. Н. Т.» (все предыдущие опубликованные на тот момент и в том же издании тексты сочинителя подписывались схожим образом: Л. Н. — «Детство» и «Набег» и Л. Н. Т. — «Отрочество» и «Записки маркера») и с незначительными цензурными правками («белобрысенький» мичман стал «молоденьким» во избежание насмешливой интонации, «вонючая грязь»

*¹ Гарриет Элизабет Бичер-Стоу (1811–1896) — американская писательница. Преподавала в школе для девочек, писала рассказы. Книга, которая принесла ей мировую известность, — «Хижина дяди Тома» (1852). Роман о чернокожем рабе приобрел в Америке огромную популярность (за первый год продажи книги составили 350 тысяч экземпляров) и стал предвестником Гражданской войны, начавшейся спустя 10 месяцев после публикации первой главы романа.

Николай Некрасов. Портрет Ивана Крамского. В журнале Некрасова «Современник» впервые были опубликованы «Севастопольские рассказы»

и «неприятные следы военного лагеря» исчезли как намек на недоработки военного руководства).

Второй рассказ (известный нам как «Севастополь в мае»; при первой публикации в сентябрьском номере 1855 года он назывался «Ночь весною 1855 года в Севастополе») подвергся чудовищной цензуре. Сначала множество правок внесла редакция, высоко оценившая художественный уровень рассказа, но испугавшаяся «беспощадности и безотрадности» (причем это были не только

сокращения, но и вписывания «патриотических фраз»). Потом председатель цензурного комитета Михаил Мусин-Пушкин вовсе запретил печатать текст, но в итоге (возможно, узнав, что творчеством Толстого интересуются «на самом верху») разрешил публикацию — уже и со своими значительными вмешательствами. В результате редакция сама сняла подпись автора и извинялась перед Толстым, что иначе поступить не могла.

Третий рассказ автор завершил перед самым Новым годом; чтобы успеть напечатать его в январской книжке «Современника» за 1856-й, редакция, разрезав рукопись на части, раздала ее восьмерым наборщикам. Автор, находившийся в Петербурге, мог следить за процессом и вносил дополнения в текст по ходу набора. Видимо, он остался удовлетворен результатом, поскольку под «Севастополем в августе 1855 года» впервые появилась в печати подпись «граф Л. Толстой».

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Первый рассказ, «Севастополь в декабре», еще до выхода номера журнала в свет Петр Плетнев*¹ представил в оттиске Александру II. Рассказ, воспевавший

*¹ Петр Александрович Плетнев (1791–1866) — критик, поэт, преподаватель. Близкий друг Пушкина. Был учителем словесности в петербургских женских институтах, кадетских корпусах, благородном пансионе, преподавал литературу будущему императору Александру II. С 1840 по 1861 год — ректор Санкт-Петербургского университета. Писал стихи и критические статьи, был редактором альманаха «Северные цветы» и журнала

героизм, произвел на монарха сильное впечатление, он распорядился перевести текст на французский, сокращенный вариант появился в *Le Nord* (эта газета выходила в Брюсселе на деньги русского правительства) под названием «*Une journée à Sebastopol*», а затем в *Journal de Francfort*.

Российская военная газета «Русский инвалид» скоро перепечатала рассказ в больших «извлечениях», назвав текст «истинно превосходной статьей». Панаев: «Статья эта с жадностию прочлась здесь всеми». Тургенев: «Совершенный восторг»; «Статья Толстого о Севастополе — чудо! Я прослезился, читая ее, и кричал: ура!». Некрасов: «Успех огромный». «Петербургские ведомости»: «Высокое и яркое дарование». «Библиотека для чтения»: «Замечательная статья». «Отечественные записки»: «Заставил восторгаться»; «вы удивляетесь на каждом шагу». Иван Аксаков*1: «Очень хорошая вещь, после которой хочется в Севастополь — и кажется, что не струсить и храбриться не станешь. Какой тонкий и в то же время теплый анализ в сочинениях этого Толстого».

После «Севастополя в мае» «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили, что Толстой «становится наряду с лучшими нашими писателями». «Отечественные записки» опубликовали выдержки с комментариями: «Жизнь, и чувство, и поэзия». Журнал «Пантеон»: «Самое полное и глубокое впечатление». «Военный сборник»: «Изображено так живо, так естественно, что невольно увлекает и переносит на самый театр действий, как бы ставит самого читателя непосредственным зрителем событий». Чаадаев: «Очаровательная статья». Чернышевский: «Изображение внутреннего монолога надобно, без преувеличения, назвать удивительным» (не исключено, кстати, что Чернышевский первым и именно в этой фразе употребил выражение «внутренний монолог» в смысле, близком к «поток сознания»). Тургенев, прочитавший рассказ целиком, в доцензурном виде: «Страшная вещь». Писемский (также о полном варианте): «Статья написана до такой степени безжалостно... что тяжело становится читать».

«Современник» после смерти Пушкина. В 1846 году продал «Современник» Николаю Некрасову и Ивану Панаеву.

*1 Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886) — публицист, поэт, общественный деятель, издатель нескольких славянофильских журналов и газет. Сын писателя Сергея Аксакова, брат славянофила Константина Аксакова, был женат на дочери Федора Тютчева. Играл важную роль в жизни Московского славянского комитета, с 1875 по 1878 год был его председателем. После выступления Аксакова с критической речью по поводу Берлинского конгресса, созванного для пересмотра условий мирного договора в Русско-турецкой войне, публицист был выслан из Москвы, а сам комитет закрыт.

Константиновская батарея. Из «Севастопольского альбома» Николая Берга. 1858 год

«Севастополь в августе 1855 года» Некрасов назвал уже повестью, подчеркивая, что достоинства ее «первоклассные: меткая, своеобразная наблюдательность, глубокое проникновение в сущность вещей и характеров, строгая, ни перед чем не отступающая правда, избыток мимолетных заметок, сверкающих умом и удивляющих зоркостью глаза, богатство поэзии, всегда свободной, вспыхивающей внезапно и всегда умеренно, и, наконец, сила — сила, всюду разлитая, присутствие которой слышится в каждой строке, в каждом небрежно оброненном слове — вот достоинства повести».

«Русский инвалид» написал, что «рассказ дышит истиною». «Петербургские

ведомости»: «Типы солдат очерчены... художнически... их разговоры и шутки — все это дышит истинною жизнью, неподдельною натурою». Писемский: «Этот офицеришка всех нас заклюет. Хоть бросай перо». Правда, критик Степан Дудышкин в «Отечественных записках» писал, что «Август» повторяет предыдущие севастиопольские тексты Толстого и именно поэтому автор перестал их писать; и это любопытное замечание, Толстой действительно обкатывает в третьем тексте открытия двух первых, пока только нащупывая возможность сотворить с их помощью большую форму.

Однако в целом рассказы по-прежнему оцениваются очень высоко. Дружинин пишет про три сразу: «Из числа всех

неприятельских держав, войска которых были под стенами нашей Трои, ни одна не имела у себя хроникера осады, который мог бы соперничать с графом Львом Толстым». Аполлон Григорьев: «Картина мастера, строго задуманная, выполненная столь же строго, с энергиею, сжатостью, простирающейся до скупости в подробностях, — произведение истинно поэтическое и по замыслу, то есть по отзыву на величавые события, и по художественной работе».

Итоги подвел сам Толстой в черновике романа «Декабристы», характеризуя одного из проходных персонажей: «Мало того, что он сам несколько недель сидел в одном из блиндажей Севастополя, он написал о Крымской войне сочинение, приобретшее ему великую славу, в котором он ясно и подробно изобразил, как стреляли солдаты с бастионов из ружей, как перевязывали на перевязочном пункте перевязками и хоронили на кладбище в землю».

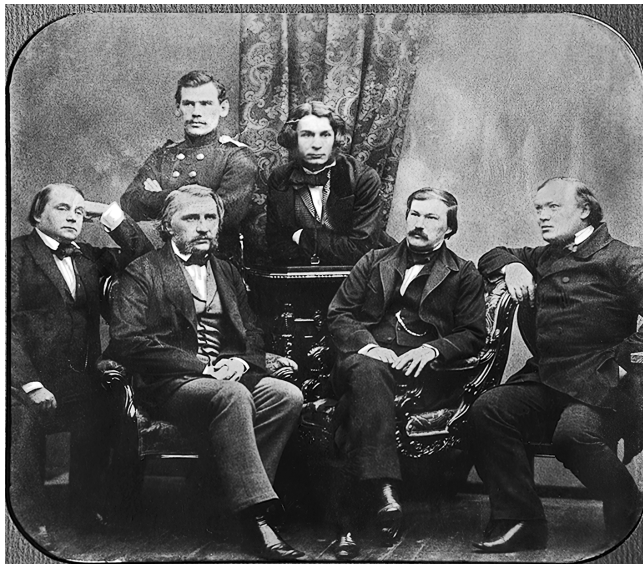
ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

В конце 1855-го Толстой триумфально въехал в Петербург (отставку он получит почти через год, но его статус военнослужащего этот год будет носить совершенно формальный характер). Во всех редакциях устраиваются обеды в честь нового гения, все ищут общения, Тургенев уговаривает его переехать из гостиницы к нему, Некрасов подписывает

с ним соглашение о публикации всех новых произведений в «Современнике». Толстой пишет «Двух гусар», готовит к выпуску свои первые книги (издателем выступает книгопродавец Алексей Иванович Давыдов): интересные нас «Военные рассказы» (которые при подаче рукописи в цензуру назывались «Военные истины»; кроме севастопольских историй туда вошли «Набег» и «Рубка леса») и «Детство и отрочество». Дружинин и Панаев берут шефство над молодой звездой, пытаются помочь в редакции, «облегчить» произведения для восприятия простым читателем, и Лев Николаевич не против, соглашается укорачивать особо длинные предложения¹.

Но сам укрощению не поддается. Ударяется, к ужасу своих новых друзей, в кутежи, дневник его этих месяцев полон плотских стенаний. На литературных сборищах ведет себя неполиткорректно, режет налево-направо правду-матку (Тургенев даже именуется Толстого «троглодитом»), а в конфликте между революционным (Чернышевский, Добролюбов) и либеральным (Тургенев, Гончаров, Григорович) крыльями «Современника» ничью сторону не занимает, хотя оба крыла на него претендовали.

При этом в начале года умирает брат Толстого Николай, в Петербурге писатель переживает несколько не слишком удачных любовных приключений, да и литературные дела идут не так блестяще, как хотелось бы. Оказывается,

Групповой портрет писателей — членов редколлегии журнала «Современник». Во втором ряду: Лев Толстой и Дмитрий Григорович. Сидят: Иван Гончаров, Иван Тургенев, Александр Дружинин и Александр Островский. 1856 год. Фотография Сергея Левицкого

признание критики не равно интересу публики. Несмотря на то что Толстой согласился, чтобы его книгам была назначена цена полтора рубля серебром за экземпляр вместо двух, назначенных первоначально автором (для сравнения: новый сборник Тургенева продавался за четыре), торговля шла сдержанно, остатки двухтысячных тиражей лежали в магазинах еще через три года².

Позднее он напишет об этом периоде в «Исповеди»: «Люди эти мне опротивели, и сам себе я опротивел». Получив отставку, Толстой уезжает в Ясную Поляну, потом за границу; вернувшись оттуда, увлекается организацией школ для крестьянских детей. В литературный мир он вернется заметно позже.

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ «СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ» ЦЕЛОСТНЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЕМ?

Вопрос дискуссионный. В центре каждого из рассказов — подчеркнуто разные темы. «Севастополь в декабре»: удивительное сочетание в одном пространстве мирной городской и кровавой военных реальностей; кроме того, здесь довольно много говорится о беспримерном мужестве русских войск. Герои здесь практически не выделены, герой — масса.

«Севастополь в мае»: на переднем плане вопрос тщеславия, выявление механизмов, определяющих поведение человека на войне, сочетание

храбрости и трусости в одной и той же грешной душе, «аристократизм» подлинный и мнимый: довольно радикальное (и на фоне воспевания героизма в первом рассказе, и вообще на фоне традиции) расширение проблематики батальной прозы. Персонажей «Севастополя в мае» почти столь же сильно, как жизнь и смерть, волнует, как они выглядят в глазах окружающих и достаточно ли пренебрежительно ведут себя в отношении нижестоящих. Это и смутило цензуру: на месте подвига и патриотизма оказалась игра мелких страстей.

И, наконец, «Севастополь в августе»: главные герои, братья Козельцовы, больше похожи на живых людей, чем аллегорические персонажи «Мая», при этом они не высокие аристократы, а дворяне средней руки, и представления о «чести» у них более человечны и теплы. Главной же внешней проблемой в рассказе представлена отвратительная организация, бардак, неумение военных властей наладить быт и логистику (о чем в первых текстах речи не шло).

Таким образом, основные темы каждого из текстов не очень плотно монтируются друг с другом. Рассказы «не образуют целостного повествования... Особенно очевидна противопоставленность второго рассказа первому и третьему»³. От подчеркнутого героизма «Севастополя в декабре месяце» почти нет следа в следующих двух

сочинениях, но при этом мелкие страсти не отменяют способности воинов к самопожертвованию; светские развлечения во втором рассказе выглядят как признак «аристократической» гнильцы, а в первом — как естественное состояние военного космоса, даже своего рода мудрость жизни; в третьем рассказе активно продвигается идея абсурда войны, а в первом война подавалась как будничное состояние мироздания; такого рода противоречий — много. Если попытаться описать книгу как единое целое, концы с концами сойдутся не слишком охотно. Не стоит, однако, забывать, что это вообще важное свойство поэтики Толстого: концы с концами не сходятся у него часто, и особенно выразительным образом — в «Войне и мире». Не исключено, что невозможность завершенного, непротиворечивого высказывания является главным «месседжем» этого сочинителя.

ЧТО ТОЛСТОЙ ДЕЛАЛ В СЕВАСТОПОЛЕ?

В мае 1853 года Толстой, служивший юнкером на Кавказе, решил оставить армию и подал прошение об отставке, которая, однако, не была принята ввиду начавшейся Крымской войны. Тогда Толстой попросил о переводе в Дунайскую армию, а затем и в осажденный Севастополь.

Он прибыл в город 7 ноября 1854 года, а окончательно покинул его в начале ноября 1855-го. Поначалу, проведя в Севастополе девять дней, Толстой был приписан к батарее, которая находилась на отдыхе в шести верстах от Симферополя, и долго не участвовал в битвах, даже просился (безуспешно) в феврале о переводе в воюющее подразделение в Евпаторию. Но вскоре его перевели в Бельбек, в ночь с 10 на 11 марта он участвовал в опасной вылазке, а вскоре попал на самый опасный Язоновский редут четвертого бастиона уже в самом Севастополе, где полтора месяца принимал активное участие в военных действиях. Вскоре после большого сражения 10–11 мая его снова перевели в менее опасное место (был назначен командовать двумя орудиями горного взвода несколько в отдалении от города), но позже он вновь оказался на передовой, в том числе участвовал в решающих и трагических для русской армии сражениях 4 и 27 августа 1855 года (в последнем командовал пятью пушками).

Толстой был награжден орденом Святой Анны 4-й степени «За храбрость», медалями «За защиту Севастополя 1854–1855» и «В память войны 1853–1856». Собственно батальных подробностей в исторических документах не зафиксировано, зато есть воспоминание сослуживца⁴ о забаве Толстого «пройти перед жерлом заряженной пушки в немногие секунды, которые

отделяли вылет ядра от поднесения фитиля» — и другое воспоминание: когда на бастион приходили знакомые зеваки, подобные экскурсанту из «Севастополя в декабре», Лев Николаевич тут же велел открывать огонь по противнику, чтобы экскурсанты поприсутствовали при ответном.

В отдалении от театра военных действий и в промежутках между сражениями Толстой успевал заниматься многими разнообразными делами. Ездил на охоту, «в Симферополь танцевать и играть на фортепьянах с барышнями» (письмо брату Сергею 3 июля 1855), много играл в штосс и проигрывал крупные суммы, читал книги, писал повесть «Юность», сочинял боевые звания, писал аналитическую записку «Об отрицательных сторонах русского солдата и офицера» и всерьез планировал учредить периодическое военное издание.

В современном (да и во вневременном) российском контексте очень уместно привести также следующее воспоминание, подтвержденное разными источниками⁵: «По обычаю того времени, батарея была доходной статьей, и командиры батареи все остатки от фуража клали себе в карман. Толстой же, сделавшись командиром батареи, взял да и записал на приход весь остаток фуража по батарее. Прочие батарейные командиры, которых это било по карману и подводило в глазах начальства, подняли бунт: ранее

Орден Святой Анны 4-й степени

никаких остатков никогда не бывало и их не должно было оставаться». По итогам этой истории Толстой командовать батареей перестал, а тему доходов командования от хозяйственной деятельности затронул в 18-й главке «Севастополя в августе».

Менее приятный отзыв о Толстом в Севастополе оставил Порфирий Глебов, помощник начальника штаба артиллерии Южной армии. 13 сентября 1855 года он писал в дневнике, что при главной квартире слишком много офицеров — «башибузуков» с не совсем ясными обязанностями («большая часть их толкается с утра до вечера по Бахчисараю; некоторые же отправились кавалькадой на горный

берег»), к которым относится и Толстой. «...Толстой порывается понюхать пороха, но только налетом, партизаном, устранив от себя трудности и лишения, сопряженные с войною. Он разъезжает по разным местам туристом; но как только слышит где выстрел, тотчас же является на поле брани; кончилось сражение, — он снова уезжает по своему произволу, куда глаза глядят». Вряд ли в XXI веке можно объективно оценить такое поведение Толстого с тогдашней военной точки зрения. Но бросается в глаза связь этого документального образа с будущим образом художественным: таким туристом на войне будет выведен лет десять спустя Пьер Безухов. И мы понимаем, что позиция слегка-туриста-где-бы-то-ни-было имеет какое-то важное отношение к таинствам литературного творчества. Завершается же дневниковая запись Глебова так:

Говорят про него [Толстого] также, будто он, от нечего делать, и песенки пописывает и будто бы на 4 августа песенка его сочинения:

*Как четвертого числа
Нас нелегкая несла, —
Горы занимать,
Горы занимать! и т. д.*

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ
ТОЛСТОЙ СОЧИНИЛ ПЕСНЮ
СО СЛОВАМИ «ГЛАДКО БЫЛО
НА БУМАГЕ, ДА ЗАБЫЛИ
ПРО ОВРАГИ»?

Во всяком случае сам Толстой это признавал. Сначала он не отрицал и свое авторство в отношении другой сева­стопольской военной песни («Как восьмого сентября мы за веру, за царя от фран­цуз ушли...»), но потом уточнил, что имеет к ней лишь косвенное отношение (ясно, что такого рода тексты чаще всего результат коллективного творчества), а в случае «Четвертого числа» выступил основным автором. Вот полный текст песни (которая, конечно, не имеет авто­ризованной рукописи):

*Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Горы отбирать (bis).*

*Барон Вревский*¹ генерал
К Горчакову**² приставал,
Когда подшофе (bis).*

*«Князь, возьми ты эти горы,
Не входи со мною в ссору,
Не то донесу» (bis).*

*Собирались на советы
Все большие эполеты,
Даже Плац-бек-Кок (bis).*

*Полицмейстер Плац-бек-Кок
Никак выдумать не мог,
Что ему сказать (bis).*

*Долго думали, гадали,
Топографы все писали
На большом листу (bis).*

*Гладко вписано в бумаге,
Да забыли про овраги,
А по ним ходить... (bis)*

-
- *¹ Павел Александрович Вревский (1809–1855) — российский военачальник. Участвовал в войне с Турцией 1828–1829 годов, был контужен и вышел в отставку. Вскоре вернулся на службу и принимал участие в подавлении Польского восстания 1830–1831 годов. Провел четыре года на Кавказе. Во время Крымской войны Вревский настоял на том, чтобы русская армия из осажденного Севастополя перешла в наступление. Однако сражение на Черной речке было проиграно, а сам Вревский был убит в бою, отказавшись покидать поле битвы.
- *² Михаил Дмитриевич Горчаков (1793–1861) — российский военачальник. Участвовал в Отечественной войне (в том числе в сражении при Бородине) и Заграничном походе 1813–1814 годов. Воевал на Русско-турецкой войне 1828–1829 годов и участвовал в подавлении Польского восстания 1830–1831 годов. Во время Крымской войны руководил Дунайской армией, а при отступлении — Южной армией, которая была расположена на северо-западном побережье Черного моря. Горчаков руководил обороной Севастополя с февраля по август 1855 года. После смерти фельдмаршала Паскевича был назначен наместником Царства Польского и главнокомандующим 1-й армии.

*Выезжали князя, графы,
А за ними топографы
На Большой редут (bis).*

*Веймарн*⁴ плакал, умолял,
Чтоб немножко обождал.
«Нет, уж пусть идут» (bis).*

*Князь сказал: «Ступай, Липранди*¹»
А Липранди: «Нет-с, атанде*²,
Нет, мол, не пойду (bis).*

*Генерал же Ушаков*⁵,
Тот уж вовсе не таков:
Все чего-то ждал (bis).*

*Туда умного не надо,
Ты пошли туда Реада*³,
А я посмотрю...» (bis)*

*Он и ждал да дожидался,
Пока с духом собирался
Речку перейти (bis).*

*Вдруг Реад возьми да спросту
И повел нас прямо к мосту:
«Ну-ка, на уру» (bis).*

*На уру мы зашумели,
Да резервы не успели,
Кто-то переврал (bis).*

*¹ Павел Петрович Липранди (1796–1864) — российский военачальник. Младший брат сотрудника тайной полиции Ивана Липранди. Участвовал в Отечественной войне, Заграничном походе 1813–1814 годов, Русско-турецкой войне 1828–1829 годов и подавлении Польского восстания 1830–1831 годов. Во время Крымской войны был назначен начальником Мало-Валахского отряда. Липранди имел репутацию мудрого генерала, заботящегося о солдатах, — за время своего командования он не подверг телесному наказанию ни одного из них.

*² *От фр. attendez* — «стой», «погоди».

*³ Николай Андреевич Реад (1793–1855) — российский военачальник. Участвовал в Отечественной войне, Заграничном походе 1813–1814 годов и взятии Парижа. Сопровождал Николая I во время Русско-турецкой войны 1828–1829 годов. Принимал участие в подавлении Польского восстания 1830–1831 годов, несколько лет служил на Кавказе. Во время Крымской войны оборонял Севастополь. Во время боя на Черной речке войска Реада частично заняли Федохины высоты, но из-за преобладающих сил коалиционных войск русской армии пришлось отступить. Генерал погиб в бою.

*⁴ Петр Владимирович Веймарн (? — 1855) — российский военачальник. Участвовал в Отечественной войне, Заграничном походе 1813–1814 годов, польской кампании 1830–1831 годов. Во время Крымской войны был начальником штаба 3-го пехотного корпуса, находился под командованием генерала Николая Реада. Генерал Веймарн был убит в бою на Черной речке, вскоре после того, как, согласно приказу Реада, велел своей дивизии идти в атаку.

*⁵ Александр Клеонакович Ушаков (1803–1877) — российский военачальник. Участвовал в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов, подавлении Польского восстания 1820–1831 годов, а также венгерской кампании 1849 года. Во время Крымской войны дивизия Ушакова вошла в состав Севастопольского гарнизона и приняла участие в бою на Черной речке. После войны Ушаков служил в Военном министерстве, работал над военно-судебной реформой. С 1867 года был председателем главного военного суда.

*А Белевцов*¹ генерал
Все лишь знамя потрясал,
Вовсе не к лицу (bis).*

*На Федюхины высоты*²
Нас пришло всего три роты,
А пошли полки!.. (bis)*

*Наше войско небольшое,
А француза было вдвое,
И сикурсу*³ тьма (bis).*

*Ждали — выйдем с гарнизона
Нам на выручку колонна,
Подали сигнал (bis).*

*А там Сакен*⁴ генерал
Все акафисты читал
Богородице (bis).*

*И пришлось нам отступить,
Раз...и же ихню мать,
Кто туда водил (bis).*

Смысл песни в том, что неудачное сражение на реке Черной 4 августа 1855 года стало следствием недовольства, которое разного рода начальство испытывало из-за «бездействия» главнокомандующего князя Михаила Горчакова; по сути дела, штабным нужна была хоть какая-нибудь битва. Горчаков возражал против нее до последнего, но на созванном представительном совещании («Собирались на советы / Все большие эполеты...») было принято идти в бой. Все дальнейшие куплеты точно передают конкретные перипетии этого оказавшегося трагическим предприятия.

*¹ Дмитрий Николаевич Белевцов (1800–1883) — российский военачальник. Участвовал в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов и подавлении Польского восстания 1830–1831 годов. Во время Крымской войны командовал дружиной Курского ополчения. После войны Белевцов был почетным опекуном Московского опекунского совета учреждений императрицы Марии Федоровны и директором Николаевской измайловской военной богадельни.

*² Высоты находятся в Балаклавском районе между Сапун-горой и рекой Черной. Названы в честь генерала Федюхина, впервые разбившего в этих местах лагерь. Федюхины высоты стали местом боев во время сражения на Черной речке.

*³ *От фр. secours* — «помощь», «поддержка».

*⁴ Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен (1793–1881) — российский военачальник. Участвовал в Отечественной войне, Заграничном походе 1813–1814 годов, Персидской войне 1826–1828 годов, польской кампании 1830–1831 годов и венгерской кампании 1849 года. Во время Крымской войны был назначен начальником Севастопольского гарнизона. Историк Евгений Тарле в книге о Крымской войне отзывался об Остен-Сакене так: «На бастионы показывался не более четырех раз во все время, и то в менее опасные места, а внутренняя его жизнь заключалась в чтении акафистов, в слушании обеден и в беседах с попами».

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ
«СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ
РАССКАЗЫ» ВЫРОСЛИ
ИЗ ПРОЕКТА ЖУРНАЛА
«СОЛДАТСКИЙ ВЕСТНИК»?

Хронологически это было именно так. Еще в октябре 1854 года (то есть до перевода Толстого в Севастополь) группа офицеров-артиллеристов Южной армии, среди которых был и Толстой, придумала издавать еженедельный, с возможным переходом на ежедневный режим, журнал «Солдатский вестник» (поздний вариант названия — «Военный листок»). Был создан при деятельном и даже решающем участии Толстого проект журнала: «распространение между

воинами правил военной добродетели», правдивой информации о текущих военных событиях (в противовес «ложным и вредным слухам»), «распространение познаний о специальных предметах военного искусства», а также публикация военных песен, литературных материалов и «религиозных поучений военным». Предполагалось, что есть желающие инвестировать в проект свои средства (в том числе таким желающим был сам Толстой), организаторы заручились поддержкой главнокомандующего князя Горчакова и даже собрали пробный номер. Царь Николай (которому оставалось несколько недель до кончины) не поддержал, однако, проект, предложив участникам затеи посылать

Джироламо Индуно. Сражение на Черной речке 16 августа 1855 года. 1857 год

свои статьи в официальный военный орган, «Русский инвалид» (и даже «разрешив» им это делать, хотя понятно, что это никому не было запрещено).

Тогда Толстой попытался реформировать затею и предложил Некрасову завести в «Современнике» постоянный военный раздел, который брался курировать. Толстой обещал поставлять ежемесячно от двух до пяти листов статей военного содержания (для сравнения: предисловие к «Севастопольским рассказам», которое вы сейчас читаете, имеет объем лист с небольшим), написанных разными квалифицированными военными авторами. Некрасов дал согласие. Какие-то статьи военных Толстой в журнал представил, но идея постоянной работы не вдохновила его соратников, и 20 марта 1855 года он занес в дневник: «Приходится писать мне одному. Напишу Севастополь в различных фазах и идиллию офицерского быта». Именно в эти дни и возник у него план «Севастополя днем и ночью».

КАК ОПИСАНА ВОЙНА В «СЕВАСТОПОЛЬСКИХ РАССКАЗАХ»?

По наблюдению Виктора Шкловского⁶, в «Севастопольских рассказах» автор «пишет о необычном как об обычном». Свою концепцию остранения Шкловский строил на других произведениях Толстого («Холстомер», «Война и мир»),

но понятно, что имеется в виду ровно тот же эффект: Л. Н. Т. описывает войну от лица субъекта, который не окончательно понимает смысл происходящего, а лишь наблюдает внешние контуры явления. Интонация эта задана и четче всего проявлена в «Севастополе в декабре», страшный четвертый бастион представлен лишь как одна из городских локаций, кровь и смерть не мешают музыке на бульваре, не мешают (это уже в «Севастополе в мае») офицерам-аристократам думать об условной «красе ногтей». Война презентовалась Толстым как бытовое явление и ранее, в кавказском очерке «Набег», но севастопольский быт заметно цивилизованнее кавказского, а потому несоответствие между объективным контрастом «войны» и «мира» и интонацией Толстого, который контраста как бы не замечает, в «Севастопольских рассказах» явлено значительно ярче. Война, описанная с интонацией описания прогулки, «выводится из автоматизма восприятия»⁷, отсюда такой бьющий по глазам эффект при внешнем спокойствии повествователя.

Канадская исследовательница Донна Орвин, прослеживая зависимость «Севастопольских рассказов» от «Илиады» (которую Толстой читал примерно в это время), приходит к выводу, что у Гомера Толстой научился вводить в текст реальные ужасы войны, не сгущая при этом красок. Действительно, на фоне текущей отечественной традиции Толстой

весьма откровенен. «Картина слишком кровавая, чтобы ее описывать: опускаю завесу», — писал Петр Алабин^{*18} — и опу­скал завесу. Толстой же не гнушается вставлять в текст труп с огромной раз­дувшейся головой, почернелым глянце­витым лицом и вывернутыми зрачками или кривой нож, входящий в белое здо­ровое тело, но эти жесткие описания не превращаются в натурализм. В лите­ратуре и искусстве не редкость, когда одно и то же лицо в статусе автора про­являет себя мудрее, сдержаннее, более зрело, чем в то же самое время в ста­тусе «обычного человека». В синхрон­ных дневниках и письмах Толстой горяч, невротичен и противоречив, а тут бла­городная сдержанность, чувство такта и меры.

И еще война, что также было весьма новаторским жестом, описана в «Сева­стопольских рассказах» как заворажи­вающее зрелище. Панорамы сражений, молнии выстрелов, освещающие темно­синее небо, звезды как бомбы и бомбы как звезды — все это не настолько гран­диозно-кинематографично, как в «Войне и мире», но направление движения задано.

БЫЛ ЛИ ОРИГИНАЛЕН ТОЛСТОЙ, СМЕШИВАЯ В «СЕВАСТОПОЛЬСКИХ РАССКАЗАХ» ХУДОЖЕСТВЕННОЕ С ДОКУМЕНТАЛЬНЫМ?

Не был. Да, среди толстовских опытов такого рода еще до «Севастополя в дека­бре» — и уже напечатанный «Набег», и незавершенный радикальный экспери­мент «История одного дня», в котором была предпринята попытка в мельчай­ших подробностях изобразить собы­тия и ощущения вот именно что одного конкретного дня. Но сочинения, балан­сирующие между «фикшен» и «нон­фикшен», — общее место для словесно­сти середины XIX столетия.

«Записки охотника» (1847–1851) Тургенева, например, сначала печата­лись в том же «Современнике» в раз­деле «Смеси» как документальные наброски, а потом переехали в основ­ной раздел художественной литературы. «Фрегат “Паллада”» (1852–1855) Гонча­рова, будучи формально отчетом о путе­шестве, заслуженно имеет статус чуда русской прозы. В автобиографическую трилогию (1846–1856) Сергея Акса­кова входят как «Семейная хроника»,

*18 Петр Владимирович Алабин (1824–1896) — государственный деятель и военный писатель. Участвовал в подавлении Венгерского восстания в 1848–1849 годах, в Крымской войне. В 1855 году печатал в «Северной пчеле» «Корреспонденции с театра Крымской войны». В 1884–1891 годах Алабин — городской голова Самары, в 1892-м был снят с должности и отдан под суд за закупку некачественного продовольствия. Написал несколько книг о своем военном опыте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru